

ной. В 1984 г. защищает кандидатскую [4], в 2000-м – докторскую [5], какие отличает сквозная тема – «Русская историческая школа». Именно он, Герман Мягков, выдвинул и обосновал тезис о правомерности использования данного понятия применительно к ситуации изучения всеобщей истории на рубеже XIX–XX веков. Это бесспорное научное достижение стало возможным на основе осмысления scholarly проблемы в целом, проработки её дериватов – типология научных школ, факторы их формирования, роль «внутришкольных» коммуникаций, анализ научного познания как исследовательской и культурной традиции [см.: 6, с. 364–370; 7, с. 119–120; 8, с. 31–32; 9, с. 10–13;]. Не менее важно, что творчество историка позволяет расширить представление о содержании и значении Серебряного века – уникального периода духовной и умственной истории российского общества.

В дальнейшем, наряду с занятием желанной историей отечественной исторической науки, Г.П. совершает «вылазки» в те отрасли, какие составляли или составляют тренды историознания и его методологии, зачастую совместно с одним из авторов этого текста: тоталитаризм как проблема социальной науки [10], тропологическая стратегия Х. Уайта в ситуации позднего постмодернизма и истолкование его как очередной стадии Модерна [11], «метод обнаружения истины» Ж. Лакана [12], деконструкция понятия-клише «архетип» [13], трансформация классического университета в условиях «текущей современности» [14], гендер в историческом знании [15], общественно-политические ресурсы исторической памяти [16] и т.д. Отдельная страница его творческой биографии – руководство Казанским отделением Российского общества интеллектуальной истории и самое плотное, доверительное сотоварищество с президентом РОИИ, выдающимся историком и незаурядным теоретиком, неутомимым организатором исследовательского процесса, членом-корреспондентом РАН Лориной Петровной Репиной.

Однако, оставим научные и учительские занятия Г.П. Мягкова в их полном объёме будущим историографам, мы же хотим приподнять за краешек занавеса, скрывающий мировосприятие нашего героя на фоне того, что на языке немецкой философско-исторической классики именуется *Zeitgeist*, сиречь идеи и ценности, преобладающие в культуре на том или ином историческом перегоне. Никакая это не сфинксова загадка, просто хронисты не склонны предаваться размышлениям по поводу становой жилы своей брахиграфии, кому хочется взглядываться в виртуальное псише и узреть во всей красе всё, что они сотворили? Да и не дело практикующего историка рефлексировать относительно своего письма: или ты пребываешь внутри историописания, или же выходишь из него, перебираясь на позиции теоретика и толкователя понятий, замахиваясь на опыт

самопознания. Сидеть на этих двух стульях крайне неудобно, мало кому удаётся, да и то не без потерь.

Так что поможем Г.П. взглянуть на себя со стороны, хотя сам он вряд ли одобрил бы нашу затею, но Платон мне друг... А истина проста: историк, как и все прочие смертные, находится у «времени в плену», значит, надлежит судить о нем с учётом поколенческого ряда, в каком он укоренён. Гуманитариям, рожденным в период между Победой и смертью «эффективного менеджера», довелось испытать идейно-политическое давление «застойных лет». Им же выпало выводить историческую науку на просторы методологического плюрализма, преодолеть догмы советского марксизма. Прододелал этот путь и Герман Мягков, демонстрируя открытость новым и свежим идеям, которые пришли сюда со школой «Анналов». При этом Г.П. не отринул Маркса напрочь, а продолжил функционально/избирательно использовать его метод и идеи. Поэтому его можно, пожалуй, с известной долей условности отнести к носителям подходов пост- и неомарксизма. Собственно, социогуманитарная и философическая мысль Запада на этом и стоит, достаточно взглянуть на Франкфуртскую школу и её продолжателей. Тут просматривается и логика современной эпистемологии – все годится, лишь бы работало на результат.

Но это еще не все, должно стать, и не основное. Как мы стали со временем понимать, историки – поверх доктринальных и культурных предпочтений – различаются промеж собой тем, какого этического принципа они придерживаются – оптимизма или пессимизма. Парят эти две субстанции в культурной атмосфере не в виде концептуальных образований (дискуссии о пессимизме как вере и миропонимании отшумели в начале XX в.), скорее, – в форме интуитивного, не отрефлексированного способа отношения к исторической материи. Понимаете ли, история, она, идет зигзагом и кружными путями, ан останавливается на наиболее жизнеспособных сценариях развития, отбирает релевантные условиям человеческого существования формы. По крайней мере, до сего времени так и было. Если историк не смотря ни на что не желает лишать человека ориентации во времени и пространстве, дает ему надежду, то он свершает богоугодное деяние. Как летописец, что подбадривает и призывает к мужеству соплеменников, оставшихся на руинах и пепелище.

Ныне, когда «порядок слов не соответствует больше порядку вещей» (У. Эко), доминирует меланхолическое мироощущение, которое особенно проглядывает из нарочито бодрых исторических рапортов, Герман Мягков, ей-ей, не верит в навсегдашнее возвращение древних идолов, ставя на разумность и рассудок человека исторического. Случайно, что ли, он не расстается с жизнеутверждающей мантрой Цицерона «*Historia est magistra vitae*» и мог бы, по всему вероятию, произнести вслед за теологом и

философом Альбертом Швейцером: «Опыт мой пессимистичен, но вера моя оптимистична».

Один из соавторов данного материала, а именно В.Б., свидетельствует, что если и есть в наших совместных с Германом публикациях (а их порядка двух десятков) внятные проявления исторического оптимизма, то это исключительно от него. Трудно удержаться и не привести ещё и сентенцию Гёте, она как раз про нашего друга: «Лучшее, что дает нам история, – это возбуждаемый ею энтузиазм».

Продолжайте и дальше делать свое дело так, как вы его делаете, Герман Пантелеймонович. Ваш не растроченный задор, способность удивляться многообразию ходов матушки-истории, стойкое убеждение в позитивных задатках человека и человечества, пиетет перед предшественниками (чего ещё есть в этом наборе?) нужны и читателям, и всем, кто вас окружает – близким, друзьям, коллегам и ученикам.

Литература:

1. Про А. Двенадцать уроков по истории. – М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 336 с.
2. Королев В.С., Мягков Г.П. Данная Богом высокая честь [вступительная ст. к мемуарам: Адо В. Вспоминаю о прошлом... Записки русского интеллигента XX века] // Казань: Общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. – 2000. – № 7. – С. 32–34.
3. Мягков Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. – Вып. 5. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – С. 72–98.
4. Мягков Г.П. «Русская историческая школа» всеобщих историков и ее роль в идейно-политической борьбе в России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1984. – 22 с.
5. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: теория и история развития школы как научного сообщества: автореф. дис. ... доктора ист. наук. – Казань, 2000. – 44 с.
6. Зверева Г.И., Репина Л.П. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 364–370.
7. Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / [редкол.: Н.Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 117–135.
8. Иванова Т.Н. Анализ дискуссий о научной школе В.И. Герье в современной историографии // Вестник Чувашского университета. – 2010. Серия «Гуманитарные науки». – № 4. – С. 31–37.
9. Корзун В.П. Антропологическая модель научной школы: современные исследовательские практики // Esse quam videri. Вып. 2: К 90-летию Ю.И. Серого (1922–1986) / Отв. ред. и сост. А.В. Лубский, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Антей», 2013. – С. 10–33.
10. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Тоталитаризм как проблема социальной науки // Демократия и тоталитаризм в судьбах европейской цивилизации XIX–XX веков. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992. – С. 19–22.
11. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 149. Серия Гуманитарные науки. Кн. 5. – Казань, 2007. – С. 33–43.
12. Бухараев В.М., Мягков Г.П. «Метод обнаружения истины» Ж. Лакана как исследовательская программа современного историознания // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. – С. 311–321.
13. Бухараев В.М., Мягков Г.П. По обе стороны от «средней позиции»: что же дальше, историческое познание? // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сб. статей / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 42–72.
14. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Трансформация классического университета в условиях «текущей современности» // Классический университет: история и современность: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 85-летию Удмуртского государственного университета; Ижевск, 3–4 февраля 2016 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 56–61.

15. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Гендер в историческом познании: не только полезно, но и не страшно. Новый антропологический опыт в альманахе «Мир историка» // Диалог со временем. 31. Специальный выпуск: Нормы и девиации в гендерной истории и историографии. – М.: Крандир, 2010. – С. 395–406.
16. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Конструирование современного «нарратива идентичности» в национальном регионе России // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики / Материалы международной научной конференции / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. – М.: Аквилон, 2016. – С. 55-57.

Portrait of a Historian Placed in the «Indoor scene» of Time, Place and Mentality

V.M. Bukharaev
Kazan (Volga region) federal University

V.A. Gurevich
The Review of Economy, the Law and Sociology

The present article aims to reflect on the conditions and factors which influence making and development of a professional historian in the atmosphere of a certain culture, which possesses its own ideas, values and concepts regarding the nature of historical development. Special attention is paid to the role played by the personal worldview of the "prophet of the past" in the course of creating historical images. In conclusion the author infers presence of a representative neo-marxist (post-marxist) tendency in contemporary Russian historiography. The social orientation of a humanity scholar's investigation is analyzed against the criterion of ethical principles implemented in his works. To study the issue the author appeals to the case of G.P. Myagkov, a well known contemporary historiographer.

Key words: historical culture, creative sensibility, methodological pluralism, neo-marxism, historical optimism, social practice, G.P. Myagkov.

